

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЯ РУКОПИСИ.

Въ скоромъ времени по порученію Академіи Наукъ въ Парижъ поѣдутъ нѣсколько Пушкинистовъ для оцѣнки рукописей Пушкина, принадлежащихъ г. Отто.

Интересъ къ рукописямъ величайшаго нашего поэта съ особенной силой, какъ извѣстно, пробудился въ 1880 году, во время открытія ему памятника, и затѣмъ—въ 1887 г., когда, по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня его смерти, вышло нѣсколько новыхъ изданій его сочиненій.

Въ 1880 году старшій сынъ поэта, Александръ Александровичъ, передалъ въ Московскій Публичный Музей его рукописи, которыя сдѣлались, такимъ образомъ, общимъ достояніемъ.

Первымъ, кто воспользовался частью этихъ рукописей, былъ издатель „Русскаго Архива“ г. Бартеневъ, напечатавшій въ своемъ сборникѣ наскоро и не совсѣмъ точно прочитанные отрывки изъ нихъ; затѣмъ въ „Русской Старинѣ“ В. Е. Якушкинъ далъ обстоятельное ихъ описаніе; наконецъ, по нимъ работали г. Морозовъ для изданія литературнаго фонда, академикъ Майковъ для академическаго изданія и опять г. Морозовъ, къ которому теперь перешло редактированіе этого изданія, которое должно установить навсегда полный, точный и неизмѣненный Пушкинскій текстъ, устранивъ изъ него всѣ искаженія и апокрифы.

Я назвалъ Пушкинскія рукописи „многострадальными“...

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ судьба, очень печальная и не всѣмъ въ точности извѣстная, даетъ имъ незавидное право на такое названіе.

Тогдашнѣ по смерти поэта всѣ его бумаги были опечатаны официальными лицами, не стѣснявшимися иногда накладывать сургучныя печати прямо на текстъ, и взяты въ то вѣдомство, которое распорядилось тогда судьбою Русскихъ писателей и Русской литературы. Отъ этого секвестра ускользнула только вторая часть дневника поэта, благодаря тому случайному обстоятельству, что въ моментъ описи она находилась не въ кабинетѣ Пушкина, а въ спальнѣ его жены.

Затѣмъ, когда Жуковскій выхлопоталъ разрѣшеніе издать сочиненія Пушкина, рукописи выданы были наследникамъ поэта,—но уже не всѣ: недоставало первой части дневника и, по всей вѣроятности, еще кое-чего.

Жуковскій старъ работать надъ редакціей задуманнаго изданія, стараясь какъ можно больше спасти отъ тогдашней цензуры, что и заставляло его иногда передѣлывать и измѣнять подлинный Пушкинскій текстъ, смягчая его собственными стихами („Памятникъ“, „Сказка о попѣ“ и проч.). Онъ дѣлалъ это, какъ человѣкъ, преданный интересамъ родной литературы, съ тѣмъ тактомъ, который всегда отличалъ его; но ему не пришлось довести своей работы до конца, такъ какъ онъ долженъ былъ отправиться съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ продолжительное путешествіе по Россіи.

Послѣ этого отъѣзда литературное наслѣдіе Пушкина попало въ руки совѣтъ не литературнымъ,—нѣкоему г. Тарасенко-Отрѣшкову, который сдѣлался опекуномъ дѣтей Пушкина только потому, что поэтъ остался ему что-то долженъ. Какъ новый „редакторъ Пушкина“ понималъ свое дѣло, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служить выпущенное имъ изданіе, представляющее собою верхъ безобразія даже просто въ корректурномъ отношеніи, не говоря уже объ остальномъ.

Только въ 1855 году бумаги Пушкина попали къ просвѣщенному человѣку, П. В. Анненкову, который и воспользовался всѣмъ, чѣмъ и какъ могъ, для своего изданія сочиненій Пушкина, долгое время бывшаго образцовымъ. По окончаніи своего труда, исторію котораго, тоже многострадальную, Анненковъ подробно разсказалъ впослѣдствіи, онъ возвратилъ рукописи ихъ собственникамъ, у которыхъ онѣ и находились, какъ сказано выше, до 1880 года, когда А. А. Пушкинъ пожертвовалъ ихъ въ Музей, впрочемъ, оставивъ у себя дневникъ, изъ котораго позволилъ г. Бартеневу списать лишь нѣсколько незначительныхъ отрывковъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, кажется, единственный изъ нашихъ ученыхъ получившій возможность работать въ архивѣ того учрежденія, которое такъ близко интересовалось, съ своей особенной точки зрѣнія, Пушкиннымъ и вообще литературными дѣлами, и извлекшій изъ этого архива много любопытныхъ документовъ,—не напелъ тамъ, однако, никакихъ Пушкинскихъ рукописей: очевидно, ими поинтересовался кто-нибудь ранѣе...

Такимъ образомъ, первая часть дневника поэта должна, повидимому, считаться утраченною.

Довольно значительный запасъ автографовъ Пушкина оказался въ бумагахъ Жуковскаго и унаслѣдованъ былъ сыномъ послѣдняго, который многое передалъ г. А. Э. Отто, а остальное завѣщалъ Императорской Публичной Библиотекѣ. Г. Отто, подъ именемъ Онѣгина, кое-что изъ этихъ рукописей напечаталъ въ разныхъ журналахъ.

Вотъ и все, что извѣстно теперь о Пушкинскихъ рукописяхъ, если не считать незначительныхъ автографовъ, случайно сохранившихся у разныхъ лицъ, которыя, вѣроятно, также передадутъ ихъ въ распоряженіе Академіи.

Но за недостаткомъ подлинныхъ рукописей поэта, на сцену нерѣдко являються апокрифическія его произведенія.

Какъ извѣстно, Пушкину еще при его жизни приписывалось очень многое, вовсе ему не принадлежавшее; онъ самъ, шутя, говаривалъ: „Все политическое приписываютъ мнѣ, какъ все непристойное—Баркову“...

Послѣ его смерти газеты и журналы не разъ попадали впросакъ, печатая якобы вновь открытыя Пушкинскія стихотворенія, которыя потомъ оказывались давно напечатанными съ именемъ ихъ настоящихъ авторовъ; въ одномъ изданіи было напечатано даже такое стихотвореніе, которое было продиктовано одному генералу вертящимся столомъ, въ присутствіи, впрочемъ, поэта Минаева...

А что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что одни и тѣже стихи Шевырева, Грекова, Баратынскаго, стихи, принадлежность которыхъ этимъ писателямъ была съ полной очевидностью доказана,—по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ опять всплывали съ именемъ Пушкина.

Недаромъ говорилъ поэтъ: „Мы лѣнны и не любопытны!“...

Ю. М.

(„Голосъ Москвы“, № 108, 15 Мая 1909).

Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Составилъ Конст. Кузьминскій. М. 1910. Бол. 8-ка, 132 стр. съ 4 автопортретами художника и многими рисунками.

Нѣсколько словъ о П. М. Боклевскомъ, выдающемся рисовальщикъ-бытовикъ, мы сказали уже въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909 (кн. 10). Очень многое, даже все во славу ихъ творца, сказали карандашные рисунки, акварели и пастели, выставленные въ святочные дни минувшаго года въ одной изъ залъ Историческаго Музея; наконецъ, г. Кузьминскій разсказалъ подробно про жизнь и про творчество покойнаго мастера. Если на работѣ почтеннаго біографа замѣчается какъ-будто нѣкоторая торопливость, за то ей никакъ нельзя отказать въ захватывающей занимательности. Книга читается съ любопытствомъ отъ первой до послѣдней страницы, и благородный образъ талантливаго и трудолюбиваго художника мощно вырастаетъ передъ духовнымъ взоромъ читателя. 22 удачно воспроизведенныхъ рисунка Боклевскаго къ произведеніямъ Гоголя, Грибоѣдова, Достоевскаго, Лермонтова, Островскаго, Печерскаго (Мельникова), Л. Толстого и Тургенева, и др., способствуя большому оживленію текста, даютъ основательное представленіе о силѣ и свойствахъ художественнаго дарованія П. М. Боклевскаго и, увы!—развѣнчиваютъ многихъ *известныхъ* иллюстраторовъ позднѣйшаго времени. Надо сказать, что они *копировали* Боклевскаго. Что дѣлать, малыя планеты невольно заимствуютъ свѣтъ у большого свѣтила.

Павель Россіевъ.